

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА 1. КАК СОЗДАВАЛСЯ МИФ: РУЗВЕЛЬТ И НОВЫЙ КУРС.	13
Рузвельт и историки	19
ГЛАВА 2. ВОСХОЖДЕНИЕ РУЗВЕЛЬТА К ВЛАСТИ: МАСТЕРСТВО ПОЛИТИКА, АМБИЦИИ И ОБМАН.	29
ГЛАВА 3. ЧТО ВЫЗВАЛО ВЕЛИКУЮ ДЕПРЕССИЮ?	45
ГЛАВА 4. ПОЧЕМУ ФИКСИРОВАНИЕ ЦЕН НАНЕСЛО УЩЕРБ АМЕРИКАНСКОМУ БИЗНЕСУ	59
ГЛАВА 5. ЗАКОН О РЕГУЛИРОВАНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: КАК ОН УДАРИЛ ПО ФЕРМЕРСТВУ	79
ГЛАВА 6. ПОСОБИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ (WPA): ОКАЗЫВАЛАСЬ ЛИ РЕАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ БЕЗРАБОТНЫМ?	97
ГЛАВА 7. ДРУГИЕ ПРОВАЛИВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ: ЗАКОН ОБ АВИАПОЧТЕ, ЛАГЕРЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО ОКАЗАНИЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ПОМОЩИ И УПРАВЛЕНИЕ РЕСУРСАМИ БАССЕЙНА РЕКИ ТЕННЕСИ	119
Смерть авиапочтой	119
Смерть на общественных работах.	123
Управление ресурсами бассейна Теннесси	127
ГЛАВА 8. ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР: МАНИПУЛИРОВАНИЕ РЫНКАМИ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА, ТАМОЖЕННЫМИ ПОШЛИНАМИ И БАНКОВСКИМ ДЕЛОМ.	131
Золото и серебро	131

Внешняя торговля на основе взаимности и закон о ценных бумагах и биржах.	137
Глава 9. Страховочная сетка или засасывающая тряпина? Минимальная заработная плата, социальное страхование и трудовые отношения.	141
Минимальная заработная плата.	141
Социальное страхование	145
Трудовые отношения.	149
Глава 10. Никаких безбилетников: время акциза, подходного налога и корпоративных налогов	153
Глава 11. Налоговое управление: личное оружие Рузвельта	179
Глава 12. Изменения в федеральном финансировании штатов: выборы 1934 и 1936 г.	203
Глава 13. Проколы Рузвельта: реформа Верховного суда, партийная чистка и расовый вопрос	231
Глава 14. Как обманы Рузвельта навсегда бросили тень на его президентство.	255
Глава 15. Что должен был сделать Рузвельт: сократить государственные расходы, понизить ставки налогов и таможенные пошлины	283
Глава 16. Что на самом деле прекратило Великую депрессию?	291
Глава 17. Почему запутались историки.	299
Глава 18. Новый курс и его влияние на современную экономику	309
Библиография.	318
Указатель.	338

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Новый курс — это веха в политической истории прошлого века. Архитектор нового курса Франклин Рузвельт является одним из наиболее значимых президентов в истории США. Осознавая роль этого президента и его программы, я работал над книгой почти десять лет.

За эти десять лет было немало людей, которым я благодарен за помощь в исследовании и анализе столь важного периода правления Рузвельта. Начну с Гэри Дина Беста. Его книги, его пронизательные наблюдения и его знание оригинальных источников очень помогли мне на разных этапах работы. В частности, именно он указал мне на ключевые сборники и ключевые документы в этих сборниках как в Библиотеке конгресса, так и в Президентской библиотеке Франклина Рузвельта. Когда я стал завсегдатаем этих библиотек, являющихся центральными хранилищами материалов о Рузвельте и о Новом курсе, профессор Бест сделался моим наставником, проводником к знаниям. Я также благодарю Джона Браемана, многолетнего эксперта по Новому курсу, который прочел эту рукопись дважды и своим критическим взглядом уберег меня от множества ошибок. Марк Лефф — наиболее авторитетный специалист по налоговой политике эпохи Нового курса, и я благодарен ему за то, что он прочитал мои главы о налогах и дал дружеские рекомендации. Мой замечательный коллега и историк рабочего движения Пол Морено раскритиковал несколько глав и углубил мое понимание рабочего класса и Нового курса. Джордж Нэш назвал мне несколько ключевых источников и поделился со мной своими обширными знаниями о периоде Нового курса.

Мне также помогли и студенты, особенно из Хиллсдейл-колледжа. Дженнифер Кинан Харрелл собрала для меня много информации по WPA в Национальных архивах. Бреннан Браун успешно изучил начало зарождения федерального закона о минимальной заработной плате в 1930-х годах. Другие студенты, особенно Кристина Кон, Дженнифер Брайсон и Лэвид Моррелл, написали превосходные работы о Новом курсе, что способствовало нашему глубокому и вдумчивому обсуждению темы. Райан Уолш и Бен Стэффорд проверили факты и, что ценно, выполнили корректуру текста. Розели ванн Опстал составила перечень имен.

Отдельную благодарность приношу сотрудникам Президентской библиотеки Франклина Рузвельта, Библиотеки Конгресса, Исторического общества штата Канзас и Гуверовского института. В частности, Роберт Паркс из Президентской библиотеки Рузвельта помог мне найти источники и поделился со мной своими проницательными гипотезами относительно Рузвельта.

Я очень много почерпнул из дискуссий о Рузвельте и Новом курсе с Эйлин Крэдитор, Артуром Экирхом, Фредом Любке и моим отцом, Бертоном У. Фолсомом-старшим. Все они прожили Новый курс. Мне также оказали самую разную помощь и другие ученые: Ричард Дженсен, Роберт Хиггс, Джим Кауч, Джим Пауэлл, Эмити Шлеес, Джозеф Ришел, Ларри Швайкарт, Гордон Ллойд, Уилл Морриси, Роберт Иден и Том Крэнневиттер.

Лоренс У. Рид, президент Центра общественной политики Макинак, был отличным другом и постоянным источником идей о политике в целом и Новом курсе в частности. Пять лет работы в его штате я вспоминаю с радостью. Уинстон Эллиотт, президент Центра американской идеи, поддерживал этот проект во время нашего сотрудничества. Рон Робинсон, президент Фонда молодой Америки, — мой друг уже почти 30 лет. Я очень дорожу нашей дружбой; а каждое лето он предоставлял мне площадку для обсуждения Нового курса со студентами или на C-SPAN.

Мой агент Александр Хойт — бесподобный переговорщик и величайший энтузиаст. Он неиссякаемый источник поддержки. Кэйти Саган из «Саймон энд Шустер/Тресхоуд» отредактировала эту книгу и сделала немало ценных замечаний. Мне очень помогли ее советы. Уильям Ф. Бакли-мл. и Эван Гэлбрейт (оба ныне покойные) поверили в этот проект с самого начала. Пять лет назад они начали финансировать мое исследование, выделив мне персональный грант. Бакли утверждал, что самый большой вклад, который ученый может сделать в науку, это исследовать и оспорить центральные идеи своей эпохи.

Последние слова признательности самые дорогие для меня. Без моей жены, Аниты Фолсом, эта книга не была бы ни написана, ни доведена до конца. Она хороший редактор и вдумчивый историк и обсуждала со мной Рузвельта и Новый курс уже столько лет, что и признаться страшно. Ее мудрые советы позволяли мне удержать баланс и сохранить нужную интонацию на протяжении всей книги. Мой сын Адам тоже терпеливо выслушивал многочисленные беседы за ужином, посвященные 1930-м годам.

Бертон Фолсом-мл., 29 февраля 2008 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Величайший и прочнейший экономический миф XX века — идея о том, что Новый курс Франклина Рузвельта вытащил Америку из Великой депрессии. Эта фантазия настолько повсеместна даже сегодня, что либеральные* лидеры демократов в конгрессе призывают к новому Новому курсу, чтобы повысить доходы среднего класса и защитить американских рабочих от страхов, связанных с конкурентными силами глобальной экономики.

Сегодня нам сообщают, что идеи свободного рынка устарели и что американцам нужны новые меры государственного регулирования, «поручни» и двадцать программ государственных расходов, чтобы скорректировать эксцессы капитализма, такие как мыльный пузырь на рынке жилых домов.

13 апреля 2008 г. статья в «Нью-Йорк таймс» рассказала примерно такую сказку: жил да был однажды поборник свободного рынка Милтон Фридман, который учил нас, что неумелые действия правительства и политиков вызвали, а затем и усугубили Великую депрессию, что и стало доминирующей точкой зрения последних десятилетий. Но теперь «обе партии единодушно считают, что свободные рынки следует сдерживать. Все чаще речь заходит о финансовой помощи, бюджетном стимулировании и регулирующих мерах». Неважно, что в 2007 г. на программы государственных расходов ушло 3 трлн долл. и рекордное количество страниц — 90 тыс. — было исписано федеральными регуляциями и десятью тысячами заповедей, призванными осуществлять все это уже сейчас.

* Здесь следует уточнить, что в США прилагательное «либеральный» означает комплекс идей и политических постулатов, во всех отношениях противоположных классическому либерализму XVIII—XIX вв. Американский либерал стремится к всемогуществу правительства, является твердым противником свободного предпринимательства и отстаивает всестороннее планирование, осуществляемое властями. Причем такое понимание термина «либерализм» или, вернее, использование слова «либерализм» для обозначения такой политики закрепилось в США именно в период Нового курса по инициативе и при самом непосредственном участии Ф. Рузвельта. См.: Ronald D. Rotunda, *The Politics of Language: Liberalism as Word and Symbol* (Iowa City: University of Iowa Press, 1986) [неотредактированный русский перевод см. на <http://libertynews.ru/node/982>]. — *Прим. ред.*

Берт Фолсом с впечатляющей дотошностью разбирает бесконечный каталог провалов правительства, коренящихся в политике Нового курса 1930-х годов. Список простирается от создания системы социального страхования и введения минимальной заработной платы до фермерских субсидий, современной системы социальных пособий, создания Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, высоких таможенных пошлин и введения подоходного налога.

Как отмечает доктор Фолсом, депрессия продолжалась восемь лет *после* избрания Рузвельта и предпринятой им в первые 100 дней президентского срока атаки на свободные рынки. На протяжении двух первых сроков Рузвельта средний уровень безработицы превышал 12%. За 1930-е годы промышленное производство и национальный доход США упали почти на треть. Фондовая биржа не оправилась от «черного вторника» октября 1929 г. вплоть до 1940-х годов.

Самое убийственное обвинение программе Нового курса Рузвельта состоит в том, что она не достигла своей основной цели — положить конец Великой депрессии. Спросите любого, кому за восемьдесят, — все они наверняка скажут, что ФДР заботился о простых работах и дал стране надежду. Может и так, но заявить, подобно Биллу Клинтону 60 лет спустя: «Я чувствую вашу боль» — это не значит провести в жизнь здоровый экономический план. Эмпатия — это, конечно, прекрасно, но она не создаст ни рабочих мест, ни предприятий, ни благосостояния.

Берт Фолсом тщательно анализирует историю той эпохи, и у всех мыслящих людей с незашоренным сознанием не остается сомнений: по всем объективным показателям Новый курс оказался провальным. Вот что мы узнаем из книги Фолсома.

В 1930-е годы введение законодательно установленной минимальной заработной платы повысило безработицу. Налоги и пошлины спровоцировали крупнейший крах фондовой биржи в 1929 г., а затем еще десять лет не давали экономике поднять голову. Тариф Смута—Хоули 1930 г. (подписанный еще Гербертом Гувером), повысивший налог на импорт до рекордно высокой отметки, возможно, стал самым губительным для экономики США законом, принятым конгрессом за всю историю XX в., — быть может, даже хуже, чем создание Управления общественных работ (WPA), Администрации национального восстановления (NRA) и Администрации регулирования сельского хозяйства (AAA). При Рузвельте верхний уровень пошлин взлетел почти до

80%, а затем до 90%, похоронив под собою всякую возможность восстановления, — исторический урок, который демократам не мешало бы усвоить.

Даже программы, которые считаются блистательными примерами успешной государственной политики, больше не сияют так же ярко, как прежде. Система социального страхования выстроена по принципу пирамиды — будущие поколения должны оплачивать щедрые пособия, выплачиваемые нынешним поколениям. Когда на одного пенсионера приходилось сорок работающих, лозунг «Pay as you go»* звучал как мечта, но сегодня выглядит как бухгалтерское мошенничество фирмы «Энрон» по отношению к сегодняшним молодым работающим американцам: на двоих работающих будет приходиться по одному пенсионеру. С каждым годом и без того огромный дефицит системы становится все больше**. Объявлять систему социального страхования грандиозным успехом — все равно что говорить, что у «Титаника» был восхитительный первый рейс, пока он не столкнулся с айсбергом.

Чудо в том, что наша система свободного предпринимательства оказалась достаточно гибкой, чтобы противостоять всем этим ударам и сохранить в себе силы, чтобы в конце концов выкарабкаться из Великой депрессии. Это демонстрирует нам американский дух предпринимательства и твердость характера, оставляя надежду на то, что процветание утрачено не навсегда.

Подготовленный демократами текущий перечень программ «нового» Нового курса, от политики ограничения и торговли квотами на вредные промышленные выбросы в качестве меры против глобального потепления до предельной налоговой ставки 52%, от огосударственного здравоохранения до 300 млрд долл. на новые программы госрасходов ежегодно, по всей видимости, почти намеренно нацелен на подрыв экономики США. Избиратели могут находить недавний лозунг Барака Обамы «Перемены,

* Принцип выплаты текущих пенсий пенсионерам за счет текущих взносов в пенсионную систему от работающих — солидарный принцип пенсионного обеспечения в отличие от накопительных пенсионных систем, где предполагается индивидуальный характер пенсионных накоплений и размер пенсий зависит только от взносов и результатов их инвестирования. — *Прим. ред.*

** См.: *Котликофф Л., Бёрнс С.* Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М.: Альпина бизнес букс, 2005. — *Прим. ред.*

в которые можно верить» крайне привлекательным. Но если мы возьмем этот «новый» Новый курс на вооружение, экономика почти наверняка рухнет.

Один сюжет, описанный в правдивой и важной исторической книге Фолсома, напоминает мне, насколько экономически контрпродуктивны были некоторые законы Нового курса. Фолсом рассказывает о минах замедленного действия, заложенных Рузвельтом в налоговое законодательство: «27 апреля 1942 г. Рузвельт издал президентское распоряжение, в соответствии с которым весь личный доход свыше 25 000 долл. облагался налогом по ставке 100%. Конгресс отклонил эту ставку и позднее понизил максимальный уровень до 90%, но президент и конгресс одобрили введение подоходного налога, взимаемого путем вычетов из заработной платы, а также 20%-ную ставку на весь годовой доход свыше 500 долл.» *Ух ты!* Очевидно, архитекторы Нового курса позабыли о преимуществах снижения налогов в 1920-х годах. Нам пришлось вновь открыть для себя этот налоговый урок десятилетия спустя благодаря кривой Лаффера, согласно которой снижение высоких ставок налогообложения принесет больше поступлений, чем повышение налогов.

Ирония Нового курса в том, что эта программа, основанная на хороших и благих намерениях помочь бедным и безработным, причинила больше человеческих страданий в Америке, чем любой другой комплекс идей XX века. И автор книги доказывает это.

Демократы сегодня раздают похожие красивые обещания: они обещают поставить равенство выше процветания. Однако им, скорее всего, придется обнаружить, как мы знаем из опыта Нового курса, что подобная политика перераспределения в итоге не принесет ни того, ни другого.

Стивен Мур,
ведущий экономический обозреватель,
член редколлегии «Уолл-стрит джорнал»,
соавтор книги «Конец процветания»

ГЛАВА 1

КАК СОЗДАВАЛСЯ МИФ: РУЗВЕЛЬТ И НОВЫЙ КУРС

9 мая 1939 г. Генри Моргентау-мл., министр финансов и один из самых влиятельных людей Америки, сделал поразительное признание. Он сообщил об этом потрясающем факте демократам, которые возглавляли бюджетный комитет в палате представителей. Изливая душу перед соратниками по партии, Моргентау, возможно, размышлял об иронии ситуации.

Вот он — влиятельный министр, располагающий колоссальными полномочиями. Источник его власти — это, конечно, близкая дружба с президентом Франклином Рузвельтом. Моргентау долгое время был соседом президента, его доверенным лицом, и в течение более десяти лет он будет его лояльным министром финансов. Немногие знали президента лучше, говорили с ним дольше и чаще и защищали его преданнее, чем Моргентау. Элеонора Рузвельт как-то раз призналась, что Моргентау был одним из двух человек, которые могли «категорично» сказать ее мужу, что тот неправ, и не поплатиться за это. Рузвельт и Моргентау частенько подшучивали друг над другом на заседаниях кабинета министров, обменивались секретными записками, регулярно обедали вместе и часто разговаривали по телефону. Моргентау бережно хранил у себя фотографии, где они с президентом рядом, бок о бок, в машине, друзья навек. На фотографии рукой Рузвельта начертано «To Henry from one of two of a kind» [«Генри от второго сапога»]¹.

Но в мае 1939 г. у Моргентау возникли проблемы. Великая депрессия — самая разрушительная экономическая катастрофа в истории Америки — не только продолжалась, но и усугублялась. Например, безработица вновь превысила 20%-ную отметку. При этом присутствовал Моргентау, министр финансов, кладезь информации о статистике по американской экономике в 1930-е годы; его лучшим другом был президент США и автор Нового курса; ключевые общественно-политические решения

¹ John M. Blum, *From the Morgenthau Diaries: Years of Crisis, 1928–1938* (Boston: Houghton Mifflin, 1959), 30–34. Два человека, о которых говорит Элеонора Рузвельт, — это Моргентау и Луис Хоуи.

могли увидеть свет лишь с одобрения Моргантау. И все же, при всей своей власти, Моргантау чувствовал себя беспомощным. И вот прошло почти два полных срока правления Рузвельта и Нового курса, и перед нами ошеломляющие слова Моргантау — его признание, честно сделанное перед собратьями-демократами в Бюджетном комитете палаты представителей: «Мы попытались тратить деньги. Мы расходует больше, чем когда-либо, но это не работает. Меня волнует только одно, и если я ошибаюсь... пусть кто-нибудь другой займет мое место. Я хочу, чтобы наша страна процветала. Я хочу, чтобы у людей была работа. Я хочу, чтобы у людей было достаточно еды. Мы так и не выполнили своих обещаний... После восьми лет работы этой администрации я говорю, что в стране сейчас тот же уровень безработицы, с которого мы начинали... И огромный государственный долг в придачу!»¹

Этими словами Моргантау подвел итоги катастрофического десятилетия, в особенности времени правления Рузвельта. В самом деле, средний уровень безработицы в течение всего 1939 г. был выше, чем в 1931 г., за год до того, как Рузвельт сменил на посту президента Герберта Гувера. Целых 17,2% американцев, или 9 480 000 человек, не имели работы в 1939 г., что выше, чем в 1931 г., — тогда было 16,3%, или 8 020 000 человек. Но есть и положительный момент: 1939 г. был лучше, чем 1932-й и 1933-й, когда Великая депрессия достигла дна, но все же хуже, чем 1931-й, который был тогда худшим годом по уровню безработицы за всю историю США. Ни одна депрессия или рецессия никогда не длилась и половину этого срока.

Иными словами, если бы при Гувере в 1931 г. безработные выстроились друг за другом в колонну по трое, то эта очередь протянулась бы от Лос-Анджелеса до границы штата Мэн. Восемь лет спустя, в 1939 г., три колонны безработных протянулись бы дальше, от границы штата Мэн на юг до Бостона, затем до Нью-Йорка, до Филадельфии, до Вашингтона, округ Колумбия, и, наконец, до Виргинии. Очередь безработных от штата Мэн до Виргинии почти полностью появилась в эпоху правления Рузвельта².

¹ Дневник Моргантау, 9 мая 1939 г., Президентская библиотека Франклина Рузвельта, далее RPL. Данные по безработице см. в: Richard K. Vedder and Lowell E. Gallaway, *Out of Work: Unemployment and Government in Twentieth-Century America* (New York: Holmes & Meier, 1993), 77.

² *U.S. Bureau of the Census, Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1975), I, 126.

Мы можем зрительно представить себе эту гипотетическую очередь безработных американцев, но как насчет человеческой истории их страданий? Кто были эти люди и о чем они думали? В очереди в районе Чикаго мы встречаем продавца Бена Айзекса. «Куда бы я ни приходил устраиваться, нигде для меня не было работы, — вспоминает Айзекс о затянувшейся депрессии. — Я ходил по улицам и торговал бритвенными лезвиями и шнурами. Был день, когда я обошел все улицы и вернулся с пятьюдесятью центами выручки. Так продолжалось практически до 1940 г.» В письмах президенту Рузвельту находим другие истории. Например, в Чикаго 12-летний мальчик написал президенту: «Мы за газ, за электричество, за продукты счета три месяца не платили... Мой отец сидит дома. И плачет все время, потому что не может найти работу. Я спросил его: „Папа, почему ты плачешь“, а он мне: „Как не плакать, когда в доме пусто“». В нашей гипотетической очереди безработных в г. Латроуб, штат Пенсильвания, мы могли заметить человека, написавшего в 1934 г.: «Ни дома, ни работы, ни денег. Так больше нельзя. Нам отключили воду. Полная антисанитария. Мы не можем содержать детей в чистоте и порядке, как следует». Из г. Августа, штат Джорджия, президенту в 1935 г. пришло такое письмо: «Я ем хлеб и пью воду, и никаких жиров и ничего к хлебу... Мне даже спать не на чем...» Но даже этому человеку пришлось не так туго, как мужчине из г. Бивера-Дэм, штат Виргиния, который написал президенту: «У нас сейчас нет ни работы, ни зимнего постельного белья... У жены и пальто-то на зиму нету. Как нам выжить в приближающиеся холода? Видно, придется вместе мерзнуть да голодать»¹.

Высокая безработица была лишь одним из многих трагических явлений, которые сделали 1930-е катастрофическим десятилетием. Сборник «Историческая статистика США», составленный Бюро переписей США, дорисовывает мрачную картину. Рынок акций, оправившийся в середине 1930-х годов, в конце десятилетия обрушился. С 1937 до 1939 г. цены всех акций упали почти в два раза. За те же годы продажи автомобилей сократи-

¹ Studs Terkel, *Hard Times* (New York: Avon, 1970), 488; Robert S. McElvaine, ed., *Down and Out in the Great Depression* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983), 117, 159, 161, 170–171. Безработица, конечно, по одним секторам экономики ударила сильнее, чем по другим. См.: Richard J. Jensen, «The Causes and Cures of Unemployment in the Great Depression,» *Journal of Interdisciplinary History* 19 (Spring 1989), 553–583.

лись на треть и в 1939 г. были ниже, чем в в любой год из последних семи лет 1920-х годов. С 1937 по 1939 г. число банкротств удвоилось; патентных заявок на изобретения в 1939 г. было меньше, чем в любой год из 1920-х. Отчуждение заложенной недвижимости, объем которого постепенно снижался в 1930-е годы, в 1939 г. стало происходить чаще, чем в любом году за два последующих десятилетия¹.

Еще одним признаком катастрофы 1930-х годов стало наращивание государственного долга. В 1930 и 1931 г. США имели профицит бюджета, но вскоре государственные расходы резко выросли и значительно превысили налоговые поступления. В 1931 г. государственный долг составлял 16 млрд долл.; к концу десятилетия он вырос более чем в два раза, превысив 40 млрд долл. Иными словами, государственный долг за последние восемь лет 1930-х годов — менее чем за десятилетие — вырос больше, чем за всю предыдущую 150-летнюю историю страны. С 1776 по 1931 г. государственные расходы на ведение семи войн и на борьбу с последствиями по меньшей мере пяти рецессий были с лихвой перекрыты долгом, накопленным в течение 1930-х годов. Если для наглядности представить, например, что Христофор Колумб в тот октябрьский день, когда он открыл Новый Свет, решил вносить по 100 долл. в минуту на особый счет, предназначенный для выплаты государственного долга Америки, то к 1939 г. на его счету так и не накопилось бы достаточно средств для выплаты хотя бы долгов, сделанных государством только за 1930-е годы. Другими словами, если бы мы перечисляли по 100 долл. в минуту (в долларах 1930-х годов) на специальный счет обслуживания государственного долга, то нам понадобилось бы более 450 лет, чтобы накопить достаточно денег для того, чтобы рассчитаться по долгам за это десятилетие².

Тяжелое экономическое наследие периода Нового курса также можно увидеть в семи последовательных годах несбалансированной внешней торговли с 1934 по 1940 г. Большая часть государственных расходов этого десятилетия направлялась на искусственное поддержание цен на пшеницу, рубашки, сталь и другие экспортные товары, что, в свою очередь, делало эти товары из-за их высокой цены менее привлекательными для других стран.

¹ *Historical Statistics*, II, 651, 716, 012, 958–959, 1007.

² *Ibid.*, 1105, 1117.

С 1870 по 1970 г. только в годы депрессии и в 1888 г. США имели пассивный торговый баланс¹.

Тяжелым временам часто сопутствуют социальные проблемы. И США 1930-х годов не стали исключением. Например, уровень рождаемости в Америке резко упал, и население страны выросло за это десятилетие лишь на 7%. Для сравнения, в более благополучные 1920-е годы уровень рождаемости был выше, так что население страны выросло на 16%².

Для многих американцев затяжная Великая депрессия 1930-х годов стала временем смерти. Как написала одна восьмидесятилетняя американка, «сейчас [в декабре 1934 г.] многие из нас предпочитают самоубийство перспективе быть загнанными в богадельни». По-видимому, с ней согласились тысячи американцев, поскольку число самоубийств с 1929 по 1930 г. возросло и сохранялось на высоком уровне на протяжении всех 1930-х годов. Не менее печальной была участь и тех, кто отказался от жизни после многолетнего отчаяния и уходил менее демонстративно — в результате случайного падения, автомобильных аварий, под колесами поезда. В годы проведения Нового курса число несчастных случаев на душу населения во всех этих трех категориях достигло рекордной отметки³.

Утрата воли к жизни отразилась и в ожидаемой продолжительности жизни в 1930-е годы. В 1933 г., когда Франклин Рузвельт стал президентом, средняя ожидаемая продолжительность жизни в США составляла 63,3 года. С 1900 г. она постепенно выросла на 16 лет — росла почти на полгода каждый год в первой трети XX в. Однако в 1940 г., после более чем семи лет проведения Нового курса, ожидаемая продолжительность жизни упала до 62,9 лет. Правда, этот небольшой спад не был непрерывным — из этих семи лет два года отмечался рост. Но постепенный рост ожидаемой продолжительности жизни с 1900 по 1933 г. и с 1940 г. до конца века явным образом прерывался только в годы Нового курса⁴.

Остановка роста ожидаемой продолжительности жизни сильнее ударила по чернокожему населению Америки. В 1933 г. ожидаемая продолжительность жизни чернокожих американцев составляла только 54,7 года, но в 1940 г. эта цифра упала до

¹ Ibid., 884.

² *Historical Statistics*, I, 10, 15.

³ Ibid., 58; McElvaine, ed., *Down and Out in the Great Depression*, 103–104.

⁴ *Historical Statistics*, I, 55.

53,1 года. И до и после Великой депрессии разрыв в продолжительности жизни между чернокожими и белыми был меньше, но с 1933 по 1940 г. действительно увеличился. Есть явные признаки того, что в течение первого президентского срока Рузвельта чернокожие страдали сильнее белых¹.

Глядя на разорение 1930-х годов, кто-то может сказать: «Хорошо, допустим, что все десятилетие 1930-х было ужасным. Но ведь Великая депрессия была всемирной катастрофой, разве это не снимает с Америки часть вины за плохую статистику?» Конечно, Великая депрессия потрясла большую часть мира, но некоторые страны справились с ней лучше других, ограничив ущерб и восстановив экономический рост. К счастью, Лига Наций собрала данные по многим странам за 1930-е годы по промышленному производству, безработице, государственному долгу и налогам. Как выглядят США по сравнению с другими странами? Ответ: по всем этим четырем ключевым показателям США показали очень плохие результаты, едва ли не хуже, чем у любой другой страны, охваченной этим исследованием. Большинство стран Европы пережили Великую депрессию лучше, чем США².

В десятилетие экономической катастрофы, каковым были 1930-е годы, серьезную опасность представляет упадок нравов. Если подавляющее большинство людей голодает, не имеет работы и вынуждено платить более высокие налоги, чем раньше, то не может ли это пагубно отразиться на таких качествах людей, как отзывчивость, честность и единство, необходимые для сплочения общества? Сборник «Историческая статистика США» немного помогает ответить на этот вопрос. В 1930-е годы несколько выросло число убийств. Более 10 000 убийств в год было зарегистрировано лишь семь раз с 1900 по 1960 г., и все эти семь лет приходятся на 1930-е годы. За это десятилетие фактически удвоилось число арестов: в 1932 г. их было произведено почти 300 000, а потом цифра постоянно возрастала, и пик пришелся на 1939 г. — около 600 000. Уровень разводов также возрос, особенно в конце 1930-х, а число больных сифилисом почти удвоилось, тогда как число больных гонореей осталось примерно на том же уровне³.

¹ Ibid., 55.

² *World Economic Survey: Eighth Year, 1938/39* (Geneva: League of Nations, 1939), 128.

³ *Historical Statistics*, I, 64, 77, 414, 415.

Статистика не способна рассказать всю историю изменения нравов в 1930-е годы. Чтобы свести концы с концами во время Великой депрессии, многие открыто грозились пойти воровать (или подумывали о воровстве). Безработица заставляла людей ездить на поездах «зайцем» — либо в поисках работы в других городах, либо просто чтобы покочевать по стране. Выступая на слушаниях в сенате, Р. С. Митчелл из Миссурийско-Тихоокеанской железной дороги говорил, что путешествовавшие подобным образом молодые люди часто встречали в дороге «опасных преступников», которые оказывали «дурное влияние» на такую молодежь. Из сборника «Историческая статистика» видно, что в период с 1933 по 1936 г. число смертей правонарушителей на железной дороге достигло максимального уровня за всю предыдущую историю¹.

Рузвельт и историки

Верно ли, что Новый курс, вместо того чтобы покончить с Великой депрессией, на самом деле ее продлил? Важно задуматься над этим вопросом. Почти все историки этого периода оценивают Рузвельта как очень хорошего или великого президента, а программы Нового курса — как движение в правильном направлении. За немногими исключениями историки щедро расхваливают Рузвельта как эффективного новатора, а Новый курс — как программу, в которой отчаянно нуждалась находившаяся в депрессии страна и которая ей очень помогла.

Примеры столь восторженной оценки находим у двух наиболее выдающихся американских историков XX в., Генри Стила Коммаджера и Ричарда Морриса. Коммаджер за время своей впечатляющей карьеры в Колумбийском университете и колледже Эмхерста, написал более сорока книг, став, возможно, самым популярным историком столетия. С первого года правления Рузвельта Коммаджер читал лекции и писал статьи в защиту Нового курса. Его младший коллега по Колумбийскому университету Ричард Моррис был плодовитым писателем и президентом Американской исторической ассоциации. Вот как оценивали Рузвельта и Новый курс Коммаджер и Моррис:

¹ David A. Shannon, ed., *The Great Depression* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1960), 58–61.

«Характер республиканского правления в 1920-е годы был абсолютно негативным; характер Нового курса был в высшей степени позитивным. „Страна просит действий, причем немедленных“, — сказал Рузвельт в первой инаугурационной речи и попросил „широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией“...

Это материал для добротного исторического повествования: энергичное и динамичное лидерство; обширная программа, направленная на то, чтобы помочь государству вернуть потерянное поколение и решить массу скопившихся вокруг него проблем; народ стал обретать решительность и уверенность в себе; страна осознала свою ответственность и потенциал. Какая драматургия! Над разоренным полем восходит солнце; новый лидер поднимает стяг и дерзко размахивает им перед неприятелем; вокруг него собираются последователи, из тени появляются армии новобранцев и образуют сплоченные ряды; играет оркестр, развеваются флаги, армия движется вперед, и вскоре издалека доносятся шум сражения и крики победы. По прошествии времени мы понимаем, что события развивались несколько иначе, но в то время это выглядело именно так»¹.

В оценке Коммаджера и Морриса можно выделить четыре основных пункта защиты Рузвельта и Нового курса, которые были приняты большинством историков в последние 70 лет: во-первых, 1920-е годы были эпохой экономического бедствия; во-вторых, программы Нового курса исправили ошибки 1920-х годов и стали шагом в правильном направлении; в-третьих, Рузвельт (и Новый курс) были очень популярны; в-четвертых, Рузвельт был хорошим администратором и моральным лидером.

Эти четыре пункта легли в основу того, что многие историки называют «легендой о Рузвельте». Ниже я буду часто цитировать сочинения Артура Шлезингера-мл. и Уильяма Лехтенберга, поскольку они сыграли ключевую роль в формировании и конкретизации этого мнения о Рузвельте. Шлезингер дважды становился лауреатом Пулитцеровской премии и был, вероятно, самым известным историком в Америке. Его три тома о взлете Рузвель-

¹ Генри Стил Коммаджер и Ричард Б. Моррис, «Предисловие редактора», в: William E. Leuchtenburg, *Franklin Roosevelt and the New Deal, 1932–1940* (New York: Harper & Row, 1963), IX–X. Ценную биографию Коммаджера написал Нейл Джамонвилл: Neil J. Munro, *Henry Steele Commager: Midcentury Liberalism and the History of the Present* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1999).

та и о начале Нового курса стали классикой жанра. Профессор Колумбийского университета и университета Северной Каролины Лехтенберг написал классический однотомник об истории Нового курса. Лехтенберг учился и написал диссертацию под руководством Коммаджера. Маститый Коммаджер был рад такой преданности Лехтенберга Рузвельту и предоставил Лехтенбергу возможность написать историю Нового курса для престижной серии «New American Nation». За свою карьеру Лехтенберг подготовил множество историков Нового курса, которые позднее писали книги и большие статьи об этом периоде американской истории. Никто и никогда не подготовил и, возможно, уже не подготовит больше историков Нового курса, чем Уильям Лехтенберг¹. Ниже мы более подробно рассмотрим четыре мифа, которые выпестовали Коммаджер, Моррис, Шлезингер, Лехтенберг и большинство историков.

Первый миф. Как писали Коммаджер и Моррис, «характер республиканского правления в 1920-е годы был абсолютно негативным; характер Нового курса был в высшей степени позитивным». Иными словами, 1920-е годы были сплошной экономической катастрофой, приведшей к Великой депрессии, а Новый курс Рузвельта предложил полезные инструменты для смягчения ситуации, частичного восстановления и реформирования американской экономики.

Чтобы отстоять этот взгляд, и Шлезингер, и Лехтенберг поддерживают тезис недопотребления, согласно которому Великая депрессия ускорила потому, что у рабочих не было адекватной покупательной способности в 1920-е годы, чтобы покупать продукцию индустриальной Америки. По Шлезингеру, «намерение руководства [в 1920-х годах] поддерживать цены на определенном уровне... означало, что рабочие и фермеры были лишены преимуществ от роста их собственной производительности труда. Следствием стал относительный спад массовой покупательной способности». Президент Калвин Кулидж и его министр финансов Эндрю Меллон способствовали резкому расслоению

¹ Вот лишь один пример обширного влияния Лехтенберга. В своей книге «The FDR Years: On Roosevelt and His Legacy» (New York: Columbia University Press, 1995) Лехтенберг пишет, что посвящает свою работу «моим студентам, которые писали об эпохе Нового курса и которые так многому меня научили». Впечатляющий список одних только студентов насчитывает восемьдесят девять имен ученых, которые писали книги или статьи о Новом курсе. См. также: Jumonville, *Henry Steele Commager*, 31–36, 132–133.

в уровне доходов, понизив налоги на богатых. «Налоговая политика Меллона, — пишет Шлезингер, — делавшая акцент на послаблениях для миллионеров, а не для потребителей, лишь усугубила искажения в распределении доходов и накопление избыточных сбережений». Лехтенберг развивает ту же мысль: «Коль скоро мы признаём теорию, что недопотребление объясняет Великую депрессию, а я именно так и считаю, то можно сказать, что вина лежит на президентах 1920-х годов...»¹

Второй миф: «Характер Нового курса был в высшей степени позитивным». Его намерения были прекрасны, а результаты, как правило, положительные. В поддержку этой точки зрения историки цитируют статистику: в 1933 г., в первый год правления Рузвельта, уровень безработицы составлял 25%, а потом он стал постепенно снижаться и к концу первого президентского срока, в начале 1937 г., составлял около 15%. Получается, что Новый курс хоть и не положил конец Великой депрессии, но был шагом в правильном направлении. Уильям Лехтенберг пишет: «Новый курс помог создать более справедливое общество, признав группы, которые не имели широкого представительства, — фермеров, выращивающих основные сельхозкультуры, промышленных рабочих, отдельные этнические группы и новый интеллектуально-административный класс». Ему вторит многолетний профессор Гарвардского университета Сэмюэл Элиот Морисон: «Новый курс был именно тем, что подразумевало его название, — новой сдачей старой колоды*, которую больше не будут тасовать против простого человека». Авторы учебников часто затрагивают эту тему. Историк Джозеф Конлин заключает: «Величайшим положительным достижением Нового курса было облегчение экономических тягот миллионов американцев...»²

Третий миф. Рузвельт был популярным и любимым президентом. Он получал беспрецедентное количество писем от поклонников и переизбрался на второй срок с сокрушительным

¹ Arthur M. Schlesinger, Jr., *The Crisis of the Old Order, 1919–1933* (Boston: Houghton Mifflin, 1957), 159–160, 167; John A. Garraty, *Interpreting American History; Conversations with Historians* (London: Macmillan, 1970), 171.

* Английское слово «deal» означает также «сдача карт». — *Прим. перев.*

² Leuchtenburg, *Franklin Roosevelt and the New Deal*, 347; Samuel Eliot Morison, *The Oxford History of the American People* (New York: Oxford University Press, 1965), 953; Joseph R. Conlin, *The American Past*, 6th ed. (Belmont, Calif.: Wadsworth, 2001), 833. Морисон был соавтором крупного труда по истории США: *A Concise History of the American Republic*, 7th ed. (New York: Oxford University Press, 1977), наряду с Коммаджером и Лехтенбергом.

перевесом 523 к 8 в коллегии выборщиков, а после этого был переизбран еще на два срока. Его «беседы у камина» подняли дух американцев и сплотили их вокруг его Нового курса. «Он достучался до людей, — писал Шлезингер, — потому что они чувствовали — и не ошиблись, — что он их любит и заботится о них». Конлин пишет: «Если Тедди [Рузвельт] нравился и вызывал симпатию, то ФДР любили и превозносили». Были, конечно, и очаги оппозиции Рузвельту, особенно среди некоторых эгоистичных и жадных бизнесменов, которые отвергали регулирование и налоги программ Нового курса. «Рузвельт, — пишет Лехтенберг, — был также полон решимости регулировать крупные финансовые операции, что неизбежно стоило ему поддержки бизнеса». Однако большинство американцев горячо поддерживали президента. На самом деле на первых промежуточных выборах 1934 г. его партия увеличила количество мест и в палате представителей, и в сенате, чего за период с 1902 по 1998 г. удалось достичь только Рузвельту. К 1936 г. демократы имели в конгрессе больше мест, чем любая партия за последние 150 лет¹.

Четвертый миф. Рузвельт был замечательным руководителем и моральным лидером. Шлезингер, как и все историки, признает, что Рузвельт «допускал ошибки и в экономике, и в политике», но все равно был великим президентом. «Рузвельт обладал превосходными лидерскими качествами, великолепной способностью отбирать энергичных подчиненных и управлять ими, огромным мастерством общественного просветителя и колоссальной способностью поднимать дух республики и мобилизовать национальную энергию». По мнению Морисона, «Рузвельт вновь утвердил президентское лидерство, позиции которого были подорваны тремя его предшественниками, и способствовал росту федеральной власти, который затормозился со времен Первой мировой войны». Лехтенберг заключает, что «если тестом на хорошего администратора является не выверенная организационная структура, а творчество, то Рузвельта необходимо увековечить не просто как хорошего администратора, но и как изобретательного новатора». Более того, «Франклин Рузвельт воссоздал современный институт президентства. Он занял эту должность, которая за предыдущие 12 лет во многом утратила свою престижность и влияние

¹ Arthur M. Schlesinger, Jr., *The Coming of the New Deal* (Boston: Houghton Mifflin, 1958), 572; Conlin, *The American Past*, 818; Leuchtenburg, *Franklin Roosevelt and the New Deal*, 90.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru